

ФАЛЫШИВЫЙ БЕНОК

Б.Останину

... и так легко не быть.

Ф.Тютчев.

Нет перемен в кануны октября,
Все тот же дождь ...
Как и вчера, как прошлый год
скупая дрожь дубов,
И жесткий лист,- белесой солью
заворожен.
Не соль, а изморось, чью нежность
Мы на лице чужом губами осязаем -
Далек и кажется смешным июльский
свет,
Как будто ангел хриплый
гармоника у рта витает,
Теснит нас небо,
Пряжа отражений порывом ветра
спутана -
Так времена теряют тени ...
Связь слепая
листа и дерева мерцает,
Поистине, нет перемен
в кануны октября.

Нет перемен в кануне октября,
Застыло все окрест ...
Большой проспект, как зеркало со сна -
Столь пуст, что даже лист, измученный дождем,
отрадный гость в прямых лесах
из черного стекла.

Стволы безмолвны,
Шаг шуршит в сырых покровах почвы,
Горький дух присутствует в негромкой речи,
которой позже никому не услыхать
за пеленою пустоты,
опущенной самой природой.

Веший шорох шагов по тлеющей листве
останется бесплоден,

Мокрый ворот,
Прихоть глаза,
Из платья тело выскользнуть готово,
Но тяготит сознание того, что это -
как вчера, как прошлый год,
(Все тот же дождь).

все тот же дождь,
все та же неизменность в вещах и памяти,
Не рассказать как смутен облик идущего с тобой!
С залива нестерпимо дует.
Въется влага по цепким сучьям,
Брызжит томительной пылью на лицо,
Еще один круг жизни завершен –
Нам не впервые так говорить,
Мы возвратились к исходной точке.
Так из пункта А когда-то вышел путник,
Теперь он выцвел, обратился в плесень,
Но забудем о путнике ...
Нам ни к чему следить за тенью,
коль скоро сами влажным огоньком
                  плывем средь стен, строений,
где в хвое прячемся, где в мох падем,
чтобы смотреть, – влияться слухом исступленным, –
Ждать –
Когда взлетит завеса ливня,
И воссияет пиршество распада!
                  А дальше-ветер,
дребезжащий флюгель,
А выше-путник сбился,
ноздреватый лед ... как и вчера, как прошлый год.

как и вчера, как прошлой раз
неторопливость
сохранит нас для себя,
Что до других?..пусть месяц
немного октября их сбережет,
пусть флюгер витийствуя скрипит
и мелет из века в век зерно пустынь.
Жемчужною мукой следы сокрыты,
Пеной птичьей затянут остров,
Всех забот теперь дышать на мокрый желудь,
Всех то дел- в зрачок порожний безбельно
вживить цветную бусинку воспоминанья, и,
прищурив глаз светлоголовый мой,
Мой сын (угрюмый сын любви)
обув крылатые сандалии угасает
во мглистой выси,
Днесь плели мы ткань скупой беседы,
Ныне распускаем по нитке, паутинке, волокну,
а вместо речи - скучая дрожь дубов,
да жесткий лист ...
белесой солью заворожен.

скучая дрожь дубов
и желтый лист, белесой солью
заворожен —

Осыпались сады, приоткрывая
согласие обугленных ветвей,
А скользкий мрамор напоминает
о смерти рыб,
чье серебро тускнеет неуклонно.
Земная поступь меркнет,
Знаки Зодиака беспечно спутаны,
и кроет бледность лицо того, кто выбрал
сандалии с крылами,
Кого, не отрицая тяжести его земной,
сословье птиц приемлет
вершить суды в палящей Синеве Эдема,
Оставим их! О, нам и здесь не худо
дышать на плод тугой в сетях тягучих дыма,
в тумане след искать и думать,
что сыплется не соль, а изморозь, чью нежность
мы на лице чужом губами осязаем.

изморось, чью нежность

мы на лице чужом губами осязаем,
клубится хмелем,

размывая изображение на топком
камне -

легкой рябью уходит в сторону оно,
А остров-омут, плыть не суждено в нем,
Впрочем, добраться до вокзала можно:
Там перейдя по шаткому мосту минут,
мы закружим по рощам строгим,

где ворона пятно синеет -

Мы закружим, не обинуясь, в бесшумном поезде-
где реки холодным оловом томят траву,
в надежде, что к ночи ближе непременно
отыщем дом,

И поутру в низине кто-то из нас промолвит:

-Слыханное ль дело!.. Мы будто бы парим,
Нет, стоит наклониться и убедишься, что земля
легка,

Прозрачным бременем ложатся веки нам на глаза,

Забавно. Тягости в телах уж нет в помине-

Бесстрастность,

Ручеек тумана стекающий с волос к губам,
и одиночество ...

И потому отныне - далек, и кажется смешным
июльский свет.

далек и кажется смешным июльский свет,
И было ль лето? – вопрошаешь себя оцепенев ...

О сколь нелепо, к стеклу прижавшись, рассуждать
о времени, при этом произносить слова, чей смысл
похож на отблеск, пляшущий на камне!

Изображение утеряно в предмете (каков бы ни был он)
Ведь в тишине погаснет слово,
Неизбежно, любое слово, коим тщетно пытаешься
найти ты состоянье– когда
ни гордости, ни жажды, ни любви.

Неизъяснимо проста по осени душа,
В прохладных окнах приятно с нею быть,
Но поезд возникает у города,
Не выйти, прилив толпы, желанием объятой
покинуть стогны града,

разносит в дребезги... ее саму... бежать с оглядкой ..
Стяги, орифlamмы, бараки, булочки, ларьки, свистки,
И шов сиротской тишины, на белу нитку сметан,–
Являет мудрость горожан... настойчива, настырна,
Вот кто–то плется спереди, а кто–то сбоку,
дробится детский плач и, словно ангел хриплый,
гармоника у рта витает.

как будто ангел хрипкий гармоника у рта витает,
За пивом очередь, тоска в нависшем подбородке,
в блевотине штанина у собеседника на остановке -
"в Париже реки молока... Нью-Йорк кисельны берега",
Черный пудель ~~носится~~ на стену,
Хозяйка с Хрониками Рима больна хронически
недосыпаньем:
отсюда злоба, с коею она остервенело рвет за повод,
Дохлый кофе едва хранит тепло,
По легким кашель ~~катится~~ дельфином- пора настала
простуд, кофейных бдений,
и бесконечнейших хождений по всевозможнейшим гостям.
Сезон в разгаре!
-Бродский в Риме? Помилуйте, уж лет как сто
он проживает ....
В Мичигане? Да, пишет мифы... Как Мишель? Мишель-ого! ✓
Ку-ку, лимон! Он стрижен, постарел, с лихвой побрит.
К тому же вскоре на улицах не встретим
ни одного еврея!
Однако время.
Пора бежать- подземка непреклонна.
Пора стать паром,
На худой конец корою!-стеклом покрыться вязким
если бы не небо ...
Теснит нас небо.

Теснит нас небо ...
Летней ночью неповторимой болью белизна
шуршит ко многим водам,-
сонным шелком,- в них не видать ни облака
ни дна ...

Чуть тлеет снежный Беспер,
Разъято ~~эхо~~ бывших голосов- волокна шепота
текут над плоской дельтой
Что б нитью ледяной остьять Увисков,
двух выпуклых зеркал, бестенных и прозрачных,
таящих чайки вскрик, росу и дрожь зрачка.

Голубовата кровь, и соль как бирюза,
Меж тем как у окна в туман сливаются и ночь
и лето ...

В туман зеркальный слиты рукава недвижимой реки,
Бледнеющий шиповник не шелохнется
в мраморных садах -

Был август бел, был сладостен терновник,
Исмерть была как известь на холмах
предмстий очарованных чумою
в безветрие, стоящее свечой ... Но слышали
про час мятущихся времен,- что лист сгорит,
и воды потемнеют, что аспидно-глубокой темнотой
погасит ночь зимы багрянец всех деревьев -
На краткий миг их вспыхнувшие кроны
мелькнут в воде, изменят облик свой,
и следом мы пойдем, не ведая сомнений,
А после ветер западный затоплит острова,
Затоплит, спутает всю пряжу отражений!

И пряжа отражений порывом ветра спутана,
И не страшась судьбы, постигшей наши тени,
                     мы будем продолжать прогулку -
К счастью о нас забыли,
Нас никуда никто не звал!
Сухим укропом выстелим дорогу от выдоха
                     до вдоха,
персть цветов просыплем в воду-пригоршня
                     грязи,
Сумрачные реки свиваясь тяготят луга,
Мянутся руки,
В отточенных вершинах дети
                     незримо занимают места ушедших птиц,
Связует воспоминание с поступком речь,
А стон нас гонит в грядущее, откуда с изумленьем,
как будто в первый раз, глядим на голые тела -
глухие, опустевшие, чужие
                     в эфирном облаке сгоревшего вина.
Сквозь веки свет летит,
Он знаменует приход зимы ...
Божественное полуслово светлоголовый брат крича
                     низринулся к земле -
Так времена теряют тени.

Так времена теряют тени.
Мы утешаем себя, что постигаем
в тот час природу сумрака, начал и чисел -
Вложа персты в трепещущие дыры растений,
мы сопричастностью покою тщимся себя
обрадовать,
а попросту нам страшно ...
Сентябрь небесноокий уходит,
Пасмурные крылья над ~~головами~~ распостер ✓
Октябрь,
Похоже, вновь к изгнанию готовы,
в предверии веселия стоим ...
О скуча помнить!
Разве простоты на нашу долю ~~стало~~ так мало? ✓
В прорехах сырости, в пластах блаженной глины,
насыпят нищим риса вдоволь - только поспевай
глотать вино сведенными губами,
и однозубой вилкой
МОГИЛЬНОЙ ТРИЗНЫ настигать зерно.
Так, праздно рассуждая, брели с Останиным мы тихо
по рубежам окраин, наблюдая, как
связь
слепая листа и дерева мерцает ...

Связь слепая листа и дерева мерцает,
Нам осеняя дивный путь, что избран безо
всякой цели.

Утром, грея руки на чашке чая,
виерясь зрачками в желтые обои, —

я произнес:

—Любовь уходит,

Сентябрь легконогий ее ведет тропой

к холмам, горящим

невидимым огнем в стремнине солнца,

Блеск и звон опустошенных пчел

ее сопровождает ...

Пытаясь сохранить ее черты,

мы прибегаем к слову, уповая на магию звучанья,

Мы думаем, что звук начальный, обретая

в итоге форму наших представлений,

изменит что-то, изменяясь сам,

Как бы не так! Вначале смерти лепет

невнятным кажется, затем

мы различаем гордость в ее напеве,

гортанный голос ее торопит, ну а потом —

в недоуменьи слышим как в диких пустошах, где

даже мак не зябнет, перетекает дым

оставленных костров,

И тишина слепая связует лист и дерево!

Я не устану твердить, что в них исчерпаны

все сроки ...

Безумна мысль бежать начала и конца —

Поистине, нет перемен в кануне октября.